

ИРОИЧЕСКАЯ ПѢСНЬ

О

ПОХОДЪ НА ПОЛОВЦОВЪ

УДѢЛЬНАГО КНЯЗЯ НОВАГОРОДА-СѢВЕРСКАГО

ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА,

писанная

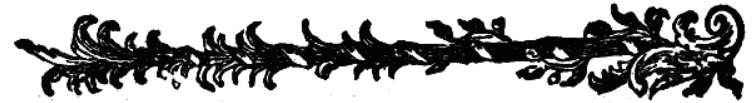
СТАРИННЫМЪ РУССКИМЪ ЯЗЫКОМЪ

ВЪ ИСХОДѢ XII СТОЛѢТІЯ

съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе.

МОСКВА

Въ Сенашской типографіи,
1800.

СЛОВО

ПѢСНЬ

О ПЛЪКУ ИГОРЕВѢ, (а) О ПОХОДѢ ИГОРЯ,
ИГОРЯ СЫНА СЫНА СВЯТОСЛАВОВА,
СВЯТЪСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА,
ВНУКА ОЛЬГОВА.

*Не лѣлоли ны бяшетѣ, бра- Пріятно намъ, брашцы, на-
тіе, на слати старыми сло- чать древнимъ слогомъ при-
весы трудныхъ повѣстий о скорбную повѣсть о походѣ
плѣку Игоревѣ, Игоря Игоря, сына Святославова!
Святъславля! на- начать же сію пѣснь по бы-
ти же ся тѣи пѣсни по тіямъ шого времени, а не по*

(а) Игорь Святославичъ родился 15 Апрѣля 1151 года; во Святомъ Крещеніи нареченъ Георгіемъ; женился въ 1184 году на Княжнѣ Евфросиніи, дочери Князя Ярослава Володимировича Галицкаго Въ 1185 году имѣлъ онъ сраженіе съ Половцами, а въ 1201 году скончался, оставивъ послѣ себя пять сыновей.

былинама сего времени, вынысламъ Бояновымъ. Ибо а не по замышленію Бояноу (б). Боянъ бо вѣщій, прославляеть кого, по но-

(6) Такъ назывался славнѣйшій въ древности стихотворецъ Русской, кошорой служилъ образцемъ для бывшихъ послѣ него писателей. Изъ нѣкошорыхъ въ примѣрѣ здѣсь приведенныхъ словъ его явствуетъ, что *Боянъ* воспѣвалъ всегда важныя происшествія и изъяснялъ мысли свои возвышенно. Когда и при кошоромъ Государѣ гремѣла лира его, ни по чему узнать не лзя; ибо не осталось намъ никакого ошривка, прежде великаго Князя *Владимира Святославича* писаннаго. Отъ временъ же его дошла до насъ между прочими слѣдующая народная пѣсня, въ кошорой находимъ уже правильное удареніе, *кадансомъ* въ Стихотворствѣ называемое; но вѣроятно, что и ша въ послѣдствіи переправлена:

Во славномъ городѣ Кіевѣ,
У Князя у Владиміра,
У солнышка Святославича,
Было пированіе почепное,
Почепное и похвальное
Про Князей и про Боярѣ,
Про сильныхъ могучихъ богатырей,
Про всю Поляницу удалую.
Въ полѣ-сыта бара наѣдалися,
Въ полѣ-пьяна бара напивалися.
Послѣдняя ѣшва на сполю пошла,
Послѣдняя ѣшва лебединая:
Стала бояре пушѣ хвасцати; и яроз.

еще кому хотяще пѣснь творити, то растѣкашеться мыслію по древу, свѣрымъ вѣлкомъ по землям, шизымъ орломъ подв облакы. Помняшеть бо реть пѣрвыхъ временъ усобицѣ; тогда пуцашеть ꙗко соколовъ на стадо лебедѣй, кошорый дотегаше, та преди пѣсь полше, старому Ярославу (в), храброму Мстиславу (г), иже зарѣза Редедю предъ

сился мыслію по деревьямъ, свѣрымъ волкомъ по землѣ, шизымъ орломъ подв облаками. Памятно намъ по древнимъ преданіямъ, что повѣдая о какомъ-либо сраженіи, примѣняли оно къ десяти соколамъ, на стадо лебедей пущеннымъ: чей соколъ скорѣ долеталъ, пому прежде и пѣснь начиналася, либо старому Ярославу, либо храброму Мстиславу, поразишему Редедю предъ

(в) Чрезъ стараго *Ярослава* Сочинитель разумѣетъ здѣсь Великаго Князя *Ярослава Владимировича*, даващаго Новгородцамъ законы, подъ именемъ *Русской Правды* донынѣ извѣстныя. Онъ былъ прапрадѣдъ *Игорю Святославичу*, кошорому воспѣвается пѣснь сія.

(г) Храбрый *Мстиславъ*, также сынъ Великаго Князя Владиміра Святославича, родный братъ *Ярославу I*. Будучи на удѣлѣ въ Тьмушараканскомъ Княжествѣ 1022 года, выступилъ онъ въ походъ противъ Косоговъ. Князь Косожекій *Редедя*, понаѣясь на крѣпость мышцъ своихъ, будшобъ для пощады съ обѣихъ сторонъ воиновъ онъ напраснаго кровопролитія, предложилъ ему

лѣлкы Касожскими, красному Романови (д) Святославию. *Болякъ же, братіе, не ꙗко соколовъ на стадо лебедѣй пуцаше, но своя вѣща прѣсты на живая струны вѣскадаше; они же сами. Княземъ славу рокотаху.*

полками Косоожскими, или красному Роману Святославичу. А *Болякъ*, братцы! не десяток соколовъ на стадо лебедей пускалъ: но какъ скоро прикасался искусными своими перстами къ живымъ струнамъ, то сіи уже сами славу Князей гласили.

поединокъ. Мстиславъ охотно на сіе согласясь, сражался съ нимъ, и одолѣвъ своего противника, лишилъ его жизни. По здѣланному предварительному въ пользу побѣдителя условію вступивъ во владѣніе Косоговъ, наложилъ онъ на нихъ дань, завладѣлъ всѣмъ богатствомъ Княжескимъ, а жену и дѣтей его увелъ въ плѣнъ за собою.

Омъ сыновей сего побѣжденного Князя Косоожскаго произошли извѣстныя въ Россіи фамиліи: *Добрынскихъ, Зайцовыхъ, Вирдюковыхъ, Поджигиныхъ, Гусевыхъ, Елизаровыхъ, Симскихъ, Хобаровыхъ и Глѣбовыхъ.*

(д) Романъ, сынъ Князя Святослава Ярославита, былъ на удѣлѣ Княженія Черниговскаго въ Курскѣ. Въ 1079 году согласясь съ Половцами, онъ хотѣлъ опустить Переяславль у Великаго Князя Всеволода Ярославита: но наемные союзники его измѣнили ему и заключили особенный миръ съ Великимъ Княземъ Киевскимъ. Когда онъ за сію измѣну спалъ упрекавъ Половцевъ, то произошла изъ шого ссора, въ кошорой онъ былъ омъ нихъ убитъ.

Потнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимира (е) до нынѣшняго Игоря; иже истягну умъ крѣпостію своего, и поостри сердца своего мужествомъ, наплѣнився ратнаго духа, наведе своя храбрыя лѣлки на землю Половецкую за землю Русскую. Тогда Игорь вѣзрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою еся своя воля прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ (ж) своей: братіе и дружино! луцежь бы потяту быти, неже полонену быти: а всядемъ, братіе, на свои брѣзья комони, да

Начнемъ же, братцы, повѣсть сію отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря. Сей Игорь напрягши умъ свой крѣпостію, почувствивъ сердце свое мужествомъ и исполнясь духа ратнаго, вступилъ съ храбрыми своими воинствомъ въ землю Половецкую для опущенія за землю Русскую. Тогда взглянулъ онъ на солнце свѣтлое, и увидѣвъ мракомъ покрытое все войско свое, произнесъ къ дружинѣ своей: „Братцы и друзья! „лучше намъ быть изрубленными, нежели достаться въ плѣнъ. Сядемъ на „своихъ борзыхъ коней,

(е) Равно Апостольный Великій Князь *Владиміръ Святославичъ* просвѣтившій Русскую землю Святымъ крещеніемъ.

(ж) Дружиною назывались отборные и приближенные воины, сопровождавшіе Государей во всѣхъ походахъ.

позрѣмъ синего Дону. Сла-
ла Князю умъ похоти,
и жалость ему знаменіе
застули, искусити Дону
великаго. Хочу бо, рече,
коліе приломити конецъ
поля Половецкаго съ вами
Русици, хочу главу свою
приложить, а любо испи-
ти шоломомъ Дону. О
Бояне, соловію стараго
времени! абы ты сіа пль-
ны ущекоталъ, скага сла-
вію по мыслену древу,
летая умомъ подъ обла-
кы, севая славы оба по-
лы сего времени, риза въ
тролу Троляню (з) тресъ
поля на горы. Пѣти бы-
ло пѣсь Игоревн, того
(Олга) внуку. Не буря

(з) Четыре раза упоминается въ сей пѣсни о Тролянь, т. е. трола Тро-
ляня, вѣтъ Троляни, земля Троляня, и седмый вѣкъ Тролянезъ; но кто
сей Тролянь, догадаться ни по чему не возможно.

„и посмотришь на си-
„ній Донъ,, Пришло Князю
на мысль пренсбречь худое
предвѣщаніе и извѣдать ща-
спья на Дону великомъ. „Хо-
„чу, сказалъ онъ, съ вами, Рос-
„сіане! переломить копье на
„помъ краю поля Половецка-
„го; хочу или голову свою по-
„дожишь, или шоломъ изъ
„Дону воды достать,, О Бо-
лянь! соловей древникъ лѣтъ!
пребъ бы надлежало провозгла-
силь о сихъ подвигахъ, скача
соловьемъ мысленно по дере-
ву, летая умомъ подъ облака-
ми, сравнивая славу древнюю
съ нынѣшнимъ временемъ
мчась по слѣдамъ Троляновымъ
чрезъ поля на горы. Те-
бѣ бы пѣшь пѣснь Игорю

соколы занесе чрезъ поля
широка; галки стады
бѣжать къ дону велико-
му; или въспѣти было
вѣщей Бояне, Велесовъ (и)
енуге! Коломни ржутъ за
Сулою; звенить слава въ
Кыевъ; трубы трубятъ
въ Новѣградѣ; стоятъ
стязи въ Путимлѣ; Игорь
ждетъ мила брата Всево-
лода. И рече ему Буй
Туръ (і) Всеволодъ: одинъ
братъ, одинъ свѣтъ свѣт-
лый ты Игорю, оба есѣ
Святъславля; сѣдай,
брате, свои брѣзны коло-
ни, а мои ти готови, осѣд-
лани у Курьска на пере-

внуку Ольгову. Не буря
соколовъ занесла чрезъ поля
широкія, слешаются галки
стадами къ Дону великому.
Тебѣ бы, мудрый Боянь,
внукъ Велесовъ! сіе воспѣшь.
Ржутъ кони за Сулою, гре-
митъ слава въ Кыевъ, тру-
бятъ трубы въ Новѣгородѣ,
развѣваютъ знамена въ Пу-
тимлѣ, ждетъ Игорь ми-
лаго брата Всеволода. Бо-
гатырь же Всеволодъ вѣ-
щастъ къ нему: „О Игорь!
„ты одинъ у меня братъ!
„ты одинъ у меня ясный
„свѣтъ! и мы оба сыновья
„Святославы; ты сѣдай,
„братъ, своихъ борзыхъ ко-

(и) Велесъ, Славянской въ язычествѣ Богъ, покровитель стадъ. Его
считали вторымъ послѣ Перуна. По названію Бояня внукомъ
Велесовымъ, кажется, что онъ жилъ до принятія въ Россіи
Христіанской вѣры.

(і) Буй значитъ дикій, а туръ вола. И такъ Буйтуромъ, или
Буйволомъ, называется здѣсь Всеволодъ въ смыслѣ метафоры-

ди; а мои же Куряни
сѣдоми къ мети, подѣ
трубами погити, подѣ
шеломы вѣзлелѣяны, ко-
нецъ колія вѣскрѣмлени,
лутти имѣ сѣдоми, яру-
гы имѣ знаеми, луци у
нихъ напряжени, тули от-
ворени, сабли изѣострени,
сами скачють акы сѣрыи
вѣдци вѣ полѣ, ищущи се-
бе ти, а Князю слаеѣ.
Тогда вѣступли Игорь
Князь вѣ златѣ стремень, и
лобѣха по гистому полю.
Солнце ему тѣмою луть
застулаше; ноцѣ стону-
щи ему грозю луть

ческомъ, вѣ разсужденіи силы и храбрости его. — Вѣроятно, что
изъ сихъ двухъ словъ составилось потомъ названіе *богатыря*,
ибо другаго произведенія оному слову до сихъ поръ не найдено.

„ней, а мои для себя при-
„гоповлены и давно у Кур-
„ска осѣдланы. Мои Курса-
„не вѣ цѣль спрѣляшь зна-
„ющи, подѣ звукомъ прубѣ
„они повипы, подѣ шлема-
„ми возлелѣяны, концомъ
„копья вскормлены; всѣ пу-
„ли имѣ сѣдоми, всѣ ов-
„раги знаеми, луки у нихъ на-
„пхануны, колчаны опворены,
„сабли изѣострены; они ска-
„чуть вѣ полѣ какъ волки
„сѣрые, ища себѣ чести,
„а Князю славы.„ Тогда
Князь Игорь, вступя вѣ золо-
тое спрѣя, побѣхаль по чи-
стому полю. Солнце своимъ
запмѣнимъ прѣграждашѣ
путь ему, грозная возспав-

убуди; свистѣ звѣринѣ вѣ
стазби; дивѣ кличетѣ
вѣрбу древа, велитѣ ло-
слушати земли незнаемѣ,
вѣдѣѣ, и по морю, и
по Сулію, и Сурожу, и
Корсуню, и тебѣ Тьмуто-
раканьскій вѣдванѣ. А
Половци неготовами до-
рогами побѣгоша къ Дону
Великому; крыгатѣ тѣ-
лѣгы полунощы, рци ле-
беди рослущени. Игорь къ
Дону вой ведетѣ: уже бо
бѣды его ласетѣ лтицѣ;
подобію вѣдци грозу вѣ
сржатѣ, по яругамъ; ор-
ли клектомъ на кости
звѣри зовутѣ (к), лисици

шая ночью буря пробужаетѣ
птицѣ; режутѣ звѣри спа-
дани; кричатѣ филинѣ
на вершинѣ дерева, чпобѣ
слышали голосѣ его вѣ зем-
лѣ незнакомой, по Волгѣ и
по морю, по Сулѣ, по Суражу
вѣ Корсунѣ и у тебѣ,
Тьмутараканскій испуканѣ!
Половцы бѣгутѣ неготовы-
ми дорогами къ Дону вели-
кому; скрипятѣ возы вѣ
полуночи, какъ лебеди скли-
каяся. Игорь къ Дону вой-
ска ведетѣ; уже птицы
бѣду ему прѣдрекаютѣ,
волки по оврагамъ выпѣеиѣ
своимъ спрахѣ наводятѣ;
орлы звѣрей на прупы сѣв-

Всеволодъ Святославль, меньшій братъ Игоревъ превосходилъ
всѣхъ своего времени Князей не токмо возрастомъ тѣла и ви-
домъ, которому подобнаго не было, но храбростію и всеми ду-
шевными добродѣтелями прославлялся повсюду — *Тамизд. истор.*
Часть III. стр: 320.

(к) Птичій полетѣ издавна былъ многихъ народовъ прѣзнаменова-
ніемъ щастія или нещастія вѣ прѣпріятномъ намѣреніи; и Рим-

брежутъ на трѣленихъ щиты. О руская земля! уже за Шеломенемъ (л) еси. Дѣбо. Носъ жркнетъ, зоря свѣтъ запала, мѣгла поля покрыла, щекотъ славій усле, говоръ еались убуди. Руски великая поля трѣленими щиты прегородиша, ищуси себѣ тни, а Князю славы.

Съ зараніа въ ляткѣ полташа поганья лѣбкы Половецкыя; и рассушясь стрѣлами по полю, полташа красныя дѣвки Половецкыя, а съ ними злато, и лаволокы, и дра-

ляне гадали по пшицамъ. Равномѣрно примѣчали, въ которую сторону слетались хищныя птицы, и шамъ неминуемой предлагали бытъ гибели людской. Волчій вой шаже предвѣщаль кровопролитную войну.

(л) Русское село въ области Переловской на границѣ къ Половцамъ лежащее близъ рѣки *Ольты*. *Татищ.* Часть III. стр. 120.

вакупъ, а лисицы лакутъ на багряные щиты. О Рускіе люди! далеко уже вы за Шеломенемъ. Ночь меркнетъ, свѣтъ зари погасаетъ, мглою поля успиляются, пѣснь соловьиная умолкаетъ, говоръ галокъ начинается. Преградили Россіяне багряными щитами широкія поля, ища себѣ чести, а Князю славы.

На зарѣ въ Пятницу разбили они Половецкіе нечестивые полки, и разсыпавшись какъ стрѣлы по полю, увезли красныхъ Половецкихъ дѣвицъ, а съ ними золото, богатые

была оксамиты; оръбмажи и японсицами, и кожухы нагаша мосты мостити по болотомъ и грязнымъ мѣстомъ, и всякими узорогъи Половѣцкыми. Чръленъ стягъ, бѣла хорюговъ, трѣлена голка, сребрено стружѣ (м) храброму Сятыславлю. Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо далеге залетѣло; небылонъ обидѣ порождено, ни соколу, ни кресту, ни тебѣ трѣбный воронъ, поганый Половчине. Гзакъ бѣжитъ съ рымъ вѣлкомъ; Контакъ (н) ему слѣдъ правитъ къ Дону великому.

пикани, и дорогія бархапты. Охабняи, плащами, шубами и всякими Половецкими нарядами по болотамъ и грязнымъ мѣстамъ начали мосты мостить. Багряное знамя, бѣлая хоругвь, багряная чолка и серебряное досеко доспалась ошважному Святославичу. Дремлетъ въ полѣ Ольгово храброе гнѣздо, далеко залетѣвъ. Не родилось оно обидѣ перлѣтъ ни опѣ сокола, ни опѣ крестца, ни опѣ шебля, черный воронъ, нечестивый Половчанинъ! Бѣжитъ Гзакъ сърымъ волкомъ, а въ слѣдъ за нимъ и Кончакъ спѣшитъ къ Дону великому.

(м) Воинскіе почетные досѣвки.

(н) Гзакъ и Контакъ, оба Половецкіе Князья, предводительствовавшие тогда войскомъ своимъ противъ Князя *Игоря*.

Другаго дни велики рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; грѣбныя тугя сѣморя идуть, хотятъ прикрыти ^д солнца: а въ нихъ трелещуть скнии мѣлнии, быти грому великому, итти дождю стрѣлами сѣ Дону великаго: тугя колѣмѣ приламати, тугя саблямѣ потрусяти о шелома Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго. О Руская земля! уже не Шеломяне мѣ еси. Се вѣтри, Сприбожи (о) внуци, вѣютъ сѣморя стрѣлами на храбрыя плѣкы Игоревы! земля тугнетъ, рѣкы мутно текуть; пороси поля прикрывають; стязк глаго-

(о) Сприбожь (Славенскій Эолъ) кумиръ во время язычества въ Кіевѣ Боготворимый; ему приписывали власть надъ вѣтрами.

На другой день весьма рано, заря сѣ кровавыми свѣтомѣ появляется, найдя сѣморя пучи черныя, хопящѣ закрытъ четыре солнца; сверкастѣ въ нихъ молнія, быти грому спрашному, лишся дождю стрѣлами сѣ Дона великаго. Тугя - шо копыми полоняшя, тугя - шо саблямѣ приступитя обѣ шлемы Половецкіе, на рѣкѣ Каялѣ, у Дону великаго. О Рускіе люди! уже вы за Шеломяне мѣ. Уже вѣпры, внуки Сприбога, вѣютъ сѣморя стрѣлами на храбрыя полки Игоревы; попопѣ по землѣ раздастя, вода въ рѣкахѣ мупитя, пыль сполкомѣ въ полѣ подымаетя,

ютъ, Половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странѣ. Рускыя плѣкы отступитя. Дѣти бѣсови кикомѣ поля прегородитя, а храбрии Рускии преградитя грѣбеными щиты. Ярѣ туре Всеволодѣ! стоиши на борони, прыщещи на вои стрѣлами, грѣмлещи о шелома мѣги харалужными. Камо Турѣ поскогыше, своимѣ златымѣ шеломамѣ посѣсивал, тамо лежатъ поганыя головы Половецкыя; поскеланы саблями калеными шелома Оварскыя отъ тебе Ярѣ Туре Всеволоде. Кая раны дорога, братие, забывѣ ти и живота, и града Чрънигова,

знамена шумящѣ, идуть Половцы отъ Дона, и отъ моря, и со всѣхъ споронѣ: войско Русское подалось назадъ. Бѣсовы дѣти оградили спанѣ свой крикомѣ, а храбрые Россіане багрянными щитами. О богатырь Всеволодѣ! ты споя на спорожѣ, градомѣ пускаешь стрѣлы на враговѣ своихѣ, а булапными мечами грѣмишь обѣ шлемы ихѣ. Гдѣ ты, богатырь, ни появишя, блиспая золопыми своимѣ шлемомѣ, памѣ лежатъ нечестивыя головы Половецкія, и разбѣчены булапными саблями Оварскіе шлемы ихѣ отъ тебя, храбрый Всеволодѣ! Какими, братцы, ранами подорожитѣ онѣ, забывѣ почести и веселую жизнь, городѣ Черниговѣ,

отня влата стола, и свол
жилъ хоти красныя Глѣ-
бовны (л) свытал и обыгал?
Были съи Трояни, минула
лѣта Ярослава (р); бы-
ли плъци Олговы (с),

отеческой золотой пре-
споль, всѣ милая прихоти,
обычай и привѣтливостъ пре-
красной своей супруги Глѣбо-
вны! Прошли сѣбзды Трояно-
вы, пропекли лѣта Ярославо-
вы, миновались брани Олговы,

(л) Супруга Всеволода Святославича, брата Игоря, дочь Князя
Глѣба Юриевича Переяславскаго.

(р) Тридцати-пяти-лѣтнее Государствованіе Ярослава I надолго
оставалось памятнымъ для Россіянъ. Храбрость его превозноси-
ма была за одержанныя имъ многократныя побѣды надъ брато-
убійцею Святполкомъ и надъ Тьмутараканскимъ Княземъ
Мстиславомъ, за отобраніе у Польскаго Короля Болеслава при-
надлежащихъ Россіи Червонскихъ городовъ и за покореніе Лиф-
ляндіи и Эстляндіи. Не менѣе того и мудрость Ярослава
славилась въ потомствѣ: онъ построилъ по рѣкѣ Рси и за
Днѣпромъ многіе города, населивъ пришельцами и плѣнниками;
набожностію своею укоренилъ онъ въ Россіи православную вѣру,
родителемъ его насажденную, и старался распространить уче-
ность, приказавъ съ Греческаго переводить лучшія книги и нѣ-
сколько оныхъ для народа по Русски сочинить.

(с) Князь Олегъ Святославичъ, бывший съ 1063 по 1114 годъ
на Тьмутараканскомъ Княженіи. Безпокойный нравъ его и склон-
ность къ возмущеніямъ много навлекли зла на землю Рускую.
Половцы всегда были орудіемъ замысловъ его. Онъ многократ-
но приглашалъ ихъ на разореніе своего отечества, и вмѣсто
платы за вспоможеніе, попускалъ имъ опустошать и грабить по-
всюду. Въ 1096 году Русскіе Князья рѣшились усмирить его, и
соединенно выступили противъ него со многочисленнымъ войскомъ;
но по причинѣ всегда вѣроломныхъ съ его стороны примиреній
едва могли удержать злчность его, предпоставъ ему съ братьями

Ольга Святъславляня. Тѣмъ бо Олегъ мелекъ кра-
моу ковалъ, и стрѣ-
лы по землѣ сѣлше. Сту-
паетъ въ златъ стремень
въ градъ Тьмутороканъ.
Тоже звонъ слыша давный
великій Ярославъ (т) сынъ
Всеволожъ: а Владимірѣ
(у) по востугра уши закла-
дше въ Черниговъ; Бориса
же Вячеславича (ф) слава

Олега Святославича. Сей - по Олегъ меченъ
кромолу ковалъ и стрѣ-
лы по землѣ сѣлшъ. Онъ
ступалъ въ золотое стре-
мя въ городъ Тьмутороканъ;
звукъ побѣды его слышалъ
старый великий Ярославъ
сынъ Всеволодовъ: и Вла-
димірѣ запыкалъ себѣ уши
велкое ушрѣ въ Черниговъ;
Бориса же Вячеславича слава

своими доводяшюлась владѣніемъ Чернигова, Сѣверы, Вяти-
тей, Муромъ и Тьмутараканъ, которыхъ сестрала за от-
цямъ едо.

(т) Князь Ярославъ, сынъ Князя Всеволода Владиміича, съ 1174 по
1200 годъ Князешвомъ Черниговскимъ обладавший.

(у) Князь Владиміръ Владиміровичъ, бывший пономѣ Великимъ
Княземъ Киевскимъ и проименованіе Мономаха получившій, въ
1094 году лишился Черниговскаго Престола отъ вышеупоману-
таго Тьмутараканскаго Князя Олега Святославича, принужденъ
былъ остаться на удѣлѣ въ Переяславѣ.

(ф) Сей Борисъ по Ростовской и Никонской лѣтописямъ Вяче-
славичемъ, а у Нестора и Татищева Святославичемъ названъ,
и въ покаянной К. росписи Г. Спришпера Исхоринъ Россійскаго

на судъ приведе, и на канину землю лалолому пошла, за обиду Олгову храбра и млада Князя. Съ толже Каялы Святоплѣкъ (х) повелѣя отца своего между Угорьскими иноходьцы ко Святѣй Софїи кѣ Києу. Тогда при Олзѣ Гориславици (ц) сѣяшеть и растяшеть усобицами; логибашеть жизнь

на судъ привела, онѣ положенѣ на конскую попону зеленую за обиду молодого храбраго Князя Олега. Съ той же Каялы вель Святоплѣкъ войски отца своего сквозь Венгерскую конницу въ Киевѣ ко святой Софїи. Тогда при Олгѣ Гориславицѣ сѣялись и возраспали междуособїя, была гибель

Государства въ 7 степенѣ показанѣ Борисомъ Вячеславицѣмъ. Но по чему онѣ призыванѣ былѣ на судъ Великаго Князя, Лѣтописи о семѣ умолчали.

Обрядѣ же сѣздовѣ для суда Татищевъ (Исторїи своей въ Томѣ 2 на стр. 195 и 196) извѣщаетъ слѣдующимъ образомъ: что обвиняемый призыванѣ былѣ въ шатерѣ, гдѣ всѣ Князя сидѣли на коврѣ, и по обыкновенномъ поздравленїи сажали его на такой же коверѣ. По томѣ всѣ Князя вышедѣ изъ шатра, сядились на коней, и раздѣлясь, каждой Князь особо разсуждалѣ съ своими Боярами, а судимый оставался одинѣ, по тому что никто его къ себѣ не допускалѣ.

(х) Пашь исчисляется Святоплѣковъ; до котораго же изъ нихъ касается сіе обстоятельство, ничѣмъ не объяснено.

(ц) Неизвестенѣ.

Даждъ - Божа (г) внука, въ Княжикѣ крамолахѣ овци теловѣкомъ скратившася. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ княхуть: но тасто врани грахуть, трухїа себѣ дѣлясе; а галци свою рѣсь говоряхуть, хотять полетѣти на уедіе. То было въ ты рати, и въ ты лѣбкы; а сице и рати не слышано: сѣ заранїа до вестера, сѣ вестера до свѣта летятѣ стрѣлы каленья; гримлотѣ саблѣм о шелома; трещатѣ кола харалужных, въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкым. Чрѣна земля подѣ колыты, костьми

Даждъ - Божевымъ внукамъ, жизнь людей въ Княжескихъ ссорахъ прекращалася, и въ Русской землѣ рѣдко веселіе земледѣльцовъ раздавалося: но часто каркали вороны; дѣля между собою трупы; галки же оплелая на мѣсто покормки, перекликались. Такъ бывало во время прежнихъ браней и опѣ погдащнихъ войскъ; а шакого сраженїа еще и не слышано, чпобѣ сѣ упра до вечера, сѣ вечера до свѣта летали стрѣлы каленья, грѣбли сабли обѣ шлемы, прещали копы булапных, въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкой. Черная земля подѣ копытами

(г) Кумирѣ, въ Киевѣ боготворимый, — податель всякихъ благъ. Пользующіеся благоденствїемъ, какъ даромъ Даждъ - божевымъ, названы его мучками.

была посѣяна, а кровію
полянна; туюго въздоша
по Руской земли. Что ми
шумить, что ми звенить
даветя рано предъ зорями?
Игорь плѣкы заворотаетъ;
жаль бо ему мила бра-
та Всеволода. Бишася
день, бишася другой:
третьяго дни кѣ полу-
дню ладоша стязи Иго-
ревы. Ту ся брата раз-
лущиста на брезѣ быстрой
Каллы. Ту кроваваго вина
недоста; ту лирѣ докон-
гаша храбрѣ Руски: сва-
ты полонша, а сами по-
легоша за землю Рускую
(ш) Нисить трава жало-

косьми была посѣяна, а
кровію полипа, и по всей
Русской землѣ возрасла бѣда.
Но что за шумъ, что за звукъ
такъ рано, до зари утренней?
Игорь двинулся съ своими
полками: жаль ему милого бра-
та Всеволода. Билися день,
билися другой, а на прѣ-
пѣй передъ полуднемъ па-
ли знамена Игоревы. Тутъ
братъ разлучилися на бере-
гу быстрой Каллы. Не доста-
ло у нихъ вина кроваваго;
храбрые Руссы шамъ пиръ
свой кончили, сваповъ по-
поили, а сами полегли за
землю Русскую. Увяла права
отъ жалости, наклонились

(ш) Половцы возгордѣсь побѣдою и взятіемъ въ плѣнъ Игоря съ товарищи, прислали дѣ Великому Князю Святославу князю Русскихъ съ росписью, сколько за кого требовали окупа. За Игоря положили они цѣну по тогдашнему времени несносную, а именно 2000 гривенъ (фунтовъ) серебра; и хотя Великій Князь Кіевскій, любя его, хотѣлъ выкупить, но Половцы никакъ на сіе не согла-

щамъ, а древо стуюго кѣ
земли преклонилось. Уже
бо, братіе, не веселая година
вѣстала, уже пустыни силу
прикрыла. Вѣстала обида
въ силахъ Дажь - Божа вну-
ка. Вступилъ дѣвою на зем-
лю Трояню; вѣсплескала ле-
бединными крылы на синѣмъ
море у Дону плещущи,
убудли жирня времена.
Усобица Княземъ на по-
ганыхъ погыбе, рекоста бо
братъ брату: се мое, а
то моеже; и наляша Кня-
зи про малое, се вели-
кое мльвити, а сами на
себѣ крамолу ковати: а
погани съ всѣхъ странъ
прихождаху съ побѣдами
на землю Рускую О! да-

деревья отъ печали. Невесе-
лая уже, братцы, пора при-
шла: пала въ пустыни си-
ла многая, возспала обида
Дажь - Божевымъ внукамъ.
Она вступивъ дѣвою на зем-
лю Троянову, восплескала
крылами лебединными, на си-
немъ морѣ у Дону купаю-
чись, разбудила времена
тяжкія: Переспали Князья
нападати на невѣрныхъ,
братъ брату сталъ гово-
рить: „се мое, и то моеже“,
Начали Князья за малое, какъ
будто бы за великое, ссо-
риться и сами на себя
крамолу ковати. Тѣмъ вре-
менемъ нечестивые со
всѣхъ споронъ спекались
на одолѣнне Русской земли. О!

шались какъ пребул, дабы прежде младшіе Князья всѣ и Во-
воды были выкуплены по назначенной въ росписи цѣнѣ. — Татищевъ
III. стр. 266, 269.

лесе зайде соколъ, птиць бя къ морю: а Игорева храбраго плѣку не крѣсити (щ). За нимъ кликну Карна и Жля (ѳ), по скоги по Руской земли, смагу (ы) мыслюти въ пламянъ розѣ Жены Рускія въсплакашась аркуги: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смислити, ни думою судмати, ни огиа свгладати, а злата и сребра ни мало того потрелати. А свстона бо, братие, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми; тоска разліяся по Руской земли; леталь жирна тесе средь земли

далеко залетѣлъ ты соколъ, побивая птиць у моря; а Игорева храбраго войска уже не воскресипи! Воскликнули тогда Карна и Жля, и прискакавъ въ землю Русскую спали помить людей огнемъ и мечемъ. Зарыдали шупть жены Рускія, приговаривая: „уже намъ обь милыхъ своихъ ни мыслию „взмыслипи, ни думою вздумати, ни глазами ихъ увидѣти, а золоща и сребра не „возвратипи,“. Возспеналь братцы, Кіевъ отъ печали, а Черниговъ отъ напаспи; разлилась поска по всей Русской земли; плякая пе-

(щ) Ясное здѣсь знаменованіе глагола *крешу* доказываетъ, что слово *Воскресеніе* точно отъ того происходитъ.

(ѳ) *Карна* и *Жля* предводители хищныхъ Половцевъ, безъ милосердія разорявшихъ тогда землю Русскую.

(ы) *Смага*, Малороссійское названіе, *жажда*, и отъ того говоритъся: *сожнешь, смлнеть во рту*.

Рускій; а Князи сами на себе крамолу коваху; а поганіи сами побѣдами на-рнщущи на Рускую землю, смляху дань по бѣлѣ отъ двора. Тѣмъ бо два храбрая Святѣславлята, Игорь и Всеволодъ уже лжу убуди, которую то блше услыль отецъ ихъ Святѣславъ грозный Великій Кіевскій. Грозою блшетъ; притрелеталь своимъ сильными плѣкы и харалужными меси; наступи на землю Половецкую; притолта хлѣми и яругы; взмутти рѣки и озеры; иссуши лотоки и болота, а поганого Кобяка (ъ) изъ

чалъ пспигла Русскихъ людей. Князья между собой враждовали, а нечеспивые рыская по землѣ Русской, брали дань по бѣлкѣ со двора. Сін - по два храбрые Святославичи, Игорь и Всеволодъ, возобновили злобу, которую прекрапилъ было отецъ ихъ, грозный Святославъ, Великій Князь Кіевскій. Онъ былъ спрашенъ всѣмъ, отъ сильнаго воинства и отъ булатныхъ мечей его всѣ препешали, наступилъ онъ на землю Половецкую, припопшалъ холмы и буераки, помутилъ воду въ рѣкахъ и озерахъ, иссушилъ источники и болота, а нечеспиваго Кобяка изъ луки мор-

(ъ) *Кобякъ* Князь Половецкій, котораго Великій Князь *Святѣславъ III* въ 1184 году не подалеку рѣки *Орла* побѣдилъ на сраженіи, взялъ его самаго въ плѣнъ съ двумя сыновьями и съ другими Князьями и семь тысячъ войска его.

луку (ѣ) моря отъ желѣзныхъ великихъ плѣсковъ Половецкихъ, яко ои хрѣ выторже: и падеся Коблякъ въ градъ Кіевъ, въ гридницѣ Святъславли. Ту Нѣмци и Венециане, ту Греци и Моравяне поютъ славу Святъславлю каютъ Князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣки Половецкія, Рускаго злата насылаша. Ту Игорь Князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло Кошцево (ѡ); уныша бо градомъ забрала, а веселіе поните. А

(ѣ) Лука, кривизна, излучина.

(ѡ) О Кошцѣ упоминается въ Исторіи Татищева Том. III. на стр. 159; что онъ въ 1168 году, когда Великій Князь Мстиславъ II отправился съ войскомъ противъ Половцевъ, пересѣдалъ къ нимъ и предзиралъ ихъ о семъ наступленіи.

ской, изъ середины желѣзныхъ великихъ полковъ Половецкихъ, подобно вихрю, испоргнувъ; и очутился Коблякъ въ городѣ Кіевѣ во дворцѣ Святославовомъ. Тамъ Нѣмцы и Венециане, тамъ Греки и Моравцы воспѣваютъ славу Святославу и охуждающе Князя Игоря, погрузившаго юлау на дно Каялы, рѣки Половецкія, и попопившаго въ ней Русское волоно. Тогда Игорь Князь изъ своего золотого сѣдла пересѣлъ въ сѣдло Кашеево. Уныли въ то время городскія стѣны, помрачилось веселіе. Святославу же

Святъславъ (ю) муженбсонъ видѣтъ въ Кіевѣ на горахъ си ногъ съ вечера одѣвахъте мя, рече, трѣбною палолоною, на кровати тисовѣ. Чрѣлахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено; сылахутьми тѣщи ми тулы логаныхъ тѣлковинъ великий женетогъ на лоно, и нѣгутѣ мя; уже дьскы безъ кнѣса змогѣ теремъ златоврѣдѣмъ. Вую ношъ съ вечера босуви врани възраляху, у Пѣсьнска (я) на болони (ѡ) бѣша дѣбрь Ки-

худой сонъ привидѣлся: „на горахъ Кіевскихъ въ ночь сію съ вечера одѣвали вы меня (онъ Болрамъ рассказывалъ) чернымъ покровомъ на песовой кровати; подносили мнѣ синее вино съ ядомъ смѣшанное; сыпали изъ пуспыхъ колчановъ на лоно мое крупный жемчугъ въ нечиспыхъ раковинахъ, и меня нѣжили. На златоверхомъ моемъ перемъ будтобъ всѣ доски безъ верхней перекладины; будтобъ во всю ночь съ вечера до сѣдла воронъ каркали, усѣвшись у Пѣнска на выгонѣ въ дебри

(ю) Великій Князь Святославъ III, сынъ Всеволода II, обладавшій Кіевомъ во время случившагося съ Княземъ Игоремъ нещастія.

(л) Городѣ Галичскаго Княженія, смежный съ Владимірскимъ на Волынь — Татищ. Часть III. стр. 287 и 288.

(ѡ) Болтинъ въ критич. примѣч. на 2-мъ Томѣ Исторіи Кн. Щербатова на стр. 194 и 195 извѣщаетъ: „Болонъ значить порожее

саню, и не сошло къ синему морю. И ркоша бояре Князю: уже Княже туга умь полонила; се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата, поискати града Тьмотороканя (v), а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крильца прилѣшали поганыхъ саблями, а самую олустоша въ лутины желѣзны.

„пространство между валовъ, окрестность города сосшавляю- щихъ, которое служило для выгону скота, для огородовъ, а иногда и нѣкоторыя сиротнѣя бывали шамъ дѣланы, — въ Киевѣ, въ Нижнемъ городѣ выгонная за валомъ земля, по дорогѣ къ бывшему Межигорскому монастырю, и по нынѣ называется Оболонь.

(v) Тьмушараканское Княженіе до тѣхъ только поръ состояло въ полной власти и принадлежало Россіи, пока единоначаліе имѣло еще нѣкоторую силу; но какъ скоро междоусобіа и неподчиненность удѣльныхъ Князей къ первопрестольному Киевскому Князю превзошли мѣру, то Половцы, усиливши отъ сихъ несогласій, завладѣли Тьмушараканью. — Смотри Истор. Исслѣд. о Тьмушараканскомъ Княженіи, печаш. въ С. Петербургѣ 1794.

Кисановой, и не полетѣли къ морю синему. „Бояре Князю опвѣчали: „одоула печаль умы наши! сонъ сей значилъ: чпо слетѣли два сокола съ золотого родительскаго Престола доспавашь города Тьмушаракани, или шлемомъ изъ Дона напишься воды, и чпо тѣмъ соколамъ обрублены крылья саблями нечеспивыхъ, и сами они попались въ опушины желѣзны.

Темно бо бѣ въ 7 день: два солнца пожъркоста, оба багряная стлѣла погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святѣславъ тѣмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тѣма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася Половци, аки лардуже гнѣздо, и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть Хинови. Уже снесся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже врѣжеса дивъ на землю. Се бо Готскія (а) красныя дѣвы въслѣша на брезѣ синему морю. Звоня Рускимъ златомъ, поютъ время Бу-

Темно спало на претій день: два солнца померкли, оба багряные сполна погасли, а съ ними и молодые мѣсяцы, Олегъ и Святославъ, покрачилися. На рѣкѣ Каялѣ свѣтъ въ тьму превратился; рассыпались Половцы по Русской землѣ, какъ леопарды изъ лотовища вышедшіе; погрузили въ безднѣ силу Русскую и придали Хану ихъ великое буйство. Уже хула превзошла хвалу; уже насиле возспало на вольность; уже филинъ спустился на землю. Раздаются пѣснѣи Готфскихъ красныхъ дѣвицъ по берегамъ моря синяго. Звоня Русскимъ золотомъ, воспѣвають онѣ времена Бу-

(а) По какой связи сіа одержанная Половцами побѣда могла доставить Готфскимъ дѣвамъ. Русское золото, сообразнаго не возможно.

сово, желють мечь Ша-
роканю (6). А мы уже
дружина жадни веселія.
Тогда Великій Святслабъ
изрони злато слово слеза-
ми смѣшено, и рече: о
моя сыновся Игорю и Все-
володе! рано еста нагала
Половецкую землю мѣги
цвѣлти, а себѣ славы
искати. Нѣ нечестно одо-
лѣсте: нечестно бо кровь
поганую проліясте. Ваю
храбрая сердца въ жесто-
цель харалузѣ скована,
а въ буети закалена. Се ли
створисте моей сребреней
сѣдинѣ! А уже не вижу
власти сильнаго, и богата-
го и многовои брата моего

совы, славятъ мценіе Шу-
раканово. А намъ уже, бра-
тцы, нѣтъ веселія! Тогда
Великій Князь Святслабъ
вымолвилъ золотое слово,
со слезами смѣшенное: „О!
„кровные мои, Игорь и Всево-
„лодѣ! рано вы начали вое-
„вать землю Половецкую, а
„себѣ славы искать. Нечест-
„но ваше одолѣніе, не пра-
„ведно пролипа вами кровь не-
„пріятельская. Ваши храбрыя
„сердца изъ крѣпкаго булапа
„скованы и въ буйствѣ зака-
„лены. Сего ли я ожидалъ отъ
„васъ при сребристой сѣ-
„динѣ моей! Я уже не вижу
„власти сильнаго, богатаго
„и многовоинаго брата моего

(6) Кто былъ Бусъ, не извѣстно; а о Шураканѣ, въ Лѣтописяхъ
подъ 1107 годомъ упоминается, что по имени сего Князя
названъ былъ Половецкій на рѣкѣ Донцѣ городъ, съ котораго
въ 1111 году Русскіе взяли окупъ. Татищ. часш. II стран. 204.

Ярослава съ Черниговски-
ми былями, съ Могуты и
съ Татраны и съ Шельбиры,
и съ Толчакы, и съ Ревугы,
и съ Ольберы. Тѣмъ бо бес щ-
товъ съ засаложники кли-
комъ лѣды любѣждаютъ,
звонили въ прадѣдную сла-
ву. Нѣрекосте му жа имѣ-
ся сами, преднюю славу
сами похитимъ, а заднюю
ся сами подѣлимъ. А ги
диво ся брате стару по-
молодтк? Коли соколъ
въ мѣтхѣ бываетъ, вы-
соко лѣтцѣ възбываетъ;
не дастъ гнѣзда своего въ
обиду. Нѣ се зло Княже
ми не пособіе; на нисе
ся години обратища. Се
Уримъ (в) кричатъ лодѣ
саблями Половецкими, а

„Ярослава съ Черниговскими
„Болрами, съ Могутами и съ
„Татранами, съ Шелбирами
„и съ Толчаками, съ Ревугами
„и съ Ольберами. Они безъ
„щиповъ съ кинжалами, од-
„нимъ крикомъ побѣждаютъ
„войска, гремя славою пра-
„дѣдовъ. Не говорятъ они,
„мы де сами предстоящую
„славу похитимъ, а про-
„шедшею съ другими подѣ-
„лимся. Но мудрено ли, бра-
„тцы, и епарому помолодѣть?
„Когда соколъ перелиняетъ,
„погда онъ пѣтцѣ высоко
„вагоняетъ и не дастъ въ
„обиду гнѣзда своего. Но по-
„собіе, время все переиначи-
„ло. Уже кричатъ Уримъ
подѣ саблями Половецкими, а

(в) Одиавъ изъ Всеводей, или изъ союзниковъ Князя Игоря, въ семъ
сраженіи участвовавшій.

*Володимиръ подъ ранами.
Туга и тоска сыну Глѣ-
бову (г). Великий Княже
Всеволоде (д)! не мыс-
лю ти прелетѣти изда-
лета, отня злата стола
поблюсти? Ты бо можеш
Волгу веслы раскролити,
а Донъ шелома выльяти.
Аже бы ты былъ, то бы-
ла бы Чага по ногатъ, а
Кощей (е) по резанъ (ж).*

*Володимиръ подъ ранами.
Горе и печаль сыну Глѣбову!
О великий Князь Всеволодъ!
почто не помыслишь ны
прилетѣшь издалека для за-
щипы опеческаго золопаго
Престола? Ты можешъ Волгу
веслами разбрызгати, а Донъ
шлемами вычерпати. Когда
бы ты здѣсь былъ, шобъ
были Чага по ногатъ, а
Кощей по резани. Ты можешъ*

(г) Кого сочинитель сей поэмы разумѣтъ подъ именемъ сына Глѣбова, рѣшительно сказать не льзя; ибо изъ современниковъ сему происшествію сыновья, отъ Князей Глѣбовыхъ рожденные, были: Владимиръ, сынъ Князя Глѣба Юрьевича, княжившаго въ Переяславѣ; Ростиславъ, сынъ Князя Глѣба Всеславича, княжившаго въ Полоцкѣ; Романъ, сынъ Князя Глѣба Ростиславича, княжившаго въ Рязанѣ.

(д) Сіе относится къ Великому Князю Всеволоду III сыну Князя Олега Святославича Тмушараканскаго.

(е) О Кощей предъ самъ уже упомянуто; а Чага уповашено шже что и Контакъ Князь Половецкій (о комъ ниже упоминается) уменьшительнымъ либо презрительнымъ именемъ называный.

(ж) Ногаи ходячая монета, коикъ въ кунъ было 4, а въ гривнѣ кунами 80. — Рязань также самая мѣлая монета изъ ходячихъ, и по соображенію кажется состояло ихъ въ векощѣ 4, а векошей въ ногатъ 2. — Правда Русская стр. 18.

*Ты бо можешъ посуху
жвеными шереширы (з)
стрѣляти удалыми сыны
Глѣбовы. Ты буй Рюрикъ
и Давыде (и), не ваю ли
злагеными шелома по
крови плаваша? Не ваю
ли храбрая дружина ры-
каютъ акы тури, ранены
саблями калеными, на
полъ незнаемъ? Вступи-
та Господина въ злата
стремень за обиду сего*

*на сухомъ' пупи живыи
шереширами стрѣлять чрезъ
удалыхъ сыновъ Глѣбовыхъ.
Овы храбрые Рюрикъ и Да-
видъ! Не ваши ли позлащен-
ные шлемы въ крови плава-
ли? Не ваша ли храбрая дру-
жина рыкаетъ, подобно во-
ламъ израненымъ саблями
булашными въ полъ незна-
момъ? Вступите, Государи,
въ свои златыя стремена
за обиду сего времени, за*

(з) Незвѣстный уже нынѣ воинскій снарядъ. Можетъ быть, родъ пращи, кошорою каменья мешали, или какое либо огнестрѣльное орудіе; ибо въ Лѣтописяхъ сего времени упоминается: „что въ 1185 году Контакъ Князь Половецкій собравъ войско великое, пошелъ на предѣлы Русскіе, имѣя съ собою мужа умѣющаго стрѣлять огнемъ, у коего были самострѣльные стуги такъ велики, что едва восемь человекъ могли шагаивать, и укрѣпленъ былъ на возу великомъ, чѣмъ онъ могъ бросать и каменія въ средину града въ подъемъ человеку: а для мешанія огня имѣлъ особый мѣдѣйшій возъ. — Татищ. Часъ III. стр. 259.

(и) Современные сему происшествію Князья Рюрикъ и Давыдъ, сыновья Великаго Князя Ростислава Мстиславича.

времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, бугега Святславлика! Галицкы Осмомыслѣ Ярославѣ (і) высоко сѣдиши на сеомѣ златокованнѣмѣ столѣ. Подперѣ горы Угорскыи своимъ желѣзнымъ плѣки, заступилѣ Королескыи путь, затвори въ Дунаю ворота, меча времени трезѣ облаки, суды рѣдя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ; отворлещи Кіеву врата; стрѣляещи съ отня злата стола Салтани за землями. Стрѣлай Господине Контака, логаного Кошеля за землю Русскую, за раны Игоревы бугега Святславлика.

землю Русскую, за раны Игоря, храбраго Святславлика. А ты Осмомыслѣ Ярославѣ Галицкій! высоко сидиши на своемъ златокованномъ Пресполѣ. Ты подперѣ горы Венгерскія своими полками желѣзными, ты заградилѣ путь Королю, ты затворилѣ Дунаю вороша, бросая пясосни чрезѣ облака, и проспирал власть свою до той рѣки! Грозное имя твое разнеслось по всѣмъ землямъ; опроверзѣ тебѣ путь къ Кіеву, стрѣляещи ты съ опеческаго золотого Преспольна Солпановѣ въ земли дальнія. Стрѣлай, о Государь! въ Контака и въ невѣрнаго Кошеля за землю Русскую, за раны храбраго Игоря Святславлика.

(і) Князь Ярославѣ, сынѣ Князя Владимѣра Володарича Галичскаго.

А ты буй Романѣ и Мстиславѣ (к)! храбрая мысль носитѣ свое умѣ на дѣло. Высоко плаваещи на дѣло въ бустѣ, яко соколѣ на вѣтрехѣ ширяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю

А вы, о храбрыя Романѣ и Мстиславѣ! ваша мысль твердая возноситѣ умѣ на подвиги. Вы отважно возвышались въ предпріятіяхъ своихъ подобно соколу, на вѣтрахъ ширяющемуся и къ одолѣнію птицы быспро спремляющемуся. У васѣ лапы

(к.) Великій Князь Романѣ, сынѣ Великаго Князя Ростислава Мстиславича Сей Князь въ 1173 году, въ продолженіе войны своей противѣ Литвы, шакой страхѣ и опустошеніе распространилѣ шама, что шама не смѣлѣ противостать ему. Литовцы бѣгая отѣ него, укрывались въ лесахъ. Но возвращеніи изѣ похода своего, множество пѣвиныхъ роздалѣ онѣ по селамъ въ работѣ и приказалѣ ими накашѣ. Отѣ сего произошла въ Литвѣ пословица: *зачѣ Романѣ робишь, сто Литвиномѣ орешѣ.* Татищ. Часть III. стр. 185.

Подѣ именемѣ же Мстислава здѣсь разумѣшѣ должно Князя Мстислава Ростиславича, роднаго брата вышепомянутому Князю Роману. Онѣ равномѣрно явилѣ опыты храбрости своей противѣ Великаго Князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго. Ибо осажденѣ будучи въ Вышеградѣ многочисленнымъ войскомѣ и находясь въ крайней опасности, шакъ благоразумно и отважно принялѣ свои мѣры, что войско непріятелей своихъ, въ кошоромѣ находилось до двадцати союзныхъ Князей, разбилѣ и прогналѣ.

желѣзныи палорзи подѣ
шеломы латинскии ми.
Тѣмъ тресну земля,
и многи страны Хи-
нова. Литва, Ятвязи, Де-
ремела, и Половци сули-
ци своя поврѣгоща, а гла-
вы своя поклониша подѣ
тymi мечи харалужныи.
Нѣ уже Княже Игорю, утр-
лѣ солнцю свѣтѣ, а древо
не бологомѣ листви срони:
по Роси, по Сули гради
подѣлиша; а Игорева хра-
браго плѣку не крѣсити.
Донѣ ти Княже клисетѣ,
и зоветь Князи на побѣ-
ду. Олговити (л) храб-
рыи Князи дослѣли на
брань. Ингварь и Всево-
лодѣ, и вси три Мстисла-
вити (м), не худа гнѣзда

(л) Князья, отъ Князя Олва Солтославита поколѣнiе свое
ведушiе.

(м) Потомки Великаго Князя Мстислава Владимiровича, Моно-
махова сына. У Мстислава было пать сыновей.

желѣзныя подѣ шлемами Ла-
пинскими. Попряслась ошѣ
нихѣ земля, и многія спра-
ны Ханскія. Липва, Яшвя-
ги, Деремела и Половцы по-
вергнувѣ свои копья, под-
клонили свои головы подѣ
шѣ мечи булашныи. Но для
Князя Игоря помрачился уже
свѣтѣ солнечный; не ошѣ до-
бра опали сѣ деревѣ листы.
По Роси и по Сулѣ города вѣ
раздѣлѣ пошли; а Игореву
храброму полку не воскресну-
ти! О Князь! Донѣ тебя кли-
четѣ и Князей на побѣду созы-
вастѣ. Храбрыи Князи Ольго-
вити на брань поспѣшили.
Ингварь и Всеволодѣ, и всѣ
просе Мстиславити, не худаго

шестокрилицы, непобѣдны-
ми жребѣи собѣ власти рас-
хытмисте? Кое ваши зла-
тymi шеломы и сулицы
Ляцкии и щиты! Загоро-
дите полю ворота своими
острыми стрѣлами за
землю Русскую, за раны
Игоревы бугега Святѣславли-
та. Уже бо Сула не тететѣ
срѣбренными струями кѣ
граду Переяславлю, и
Двина болотомѣ тететѣ
онымѣ грознымѣ Полога-
номѣ подѣ кликомѣ пога-
ныхѣ. Единѣ же Изяславѣ
(н) сынѣ Васильковѣ поз-
вони своими острыми ме-
чи о шеломы Литовскія;
притрела славу дѣду сво-
ему Всеславу, а самѣ подѣ
трѣленными щиты на кро-

гнѣзда шестокрилицы, не
побѣдаимѣ жребѣи власти
вы собѣ доспавили? Кѣ че-
му же вамѣ золотые шлемы,
копья и щипы Польскіе! За-
градише вѣ поле ворота спрѣ-
лами своими оспрыми, всту-
пишесь за землю Русскую,
за раны храбраго Игоря Свят-
тославита. Уже Сула не печетѣ
серебриспыми струя-
ми кѣ городу Переяславлю;
Двина уже болотомѣ печетѣ
кѣ тѣмѣ грознымѣ Половча-
намѣ при восклицаніи нече-
спивыхѣ. Единѣ только
Изяславѣ сынѣ Васильковѣ
позвенѣлѣ своими острыми
мечами по шлемамѣ Литов-
скимѣ; помрачилѣ славу дѣ-
да своего Всеслава, и самѣ
подѣ багрянными щитами на

(н) О бѣдшвенной участи Князя Изяслава лѣтописатели Русскіе
умолчали.

савѣ травѣ притреланѣ
Литовскими меча. И схо-
ти ю на кровать, и рекъ:
дружину твою, Княже,
птиць крылы прїодѣ, а
звѣри кровь полизаша. Не
бысь тѣ брата Брягясла-
ва, ни другаго Всеволода;
единѣ же изрони жемтю-
жну душу изъ храбра
тѣла, гресѣ злато оже-
реліе. Унылы голоси, по-
ниже веселіе. Трубы тру-
бятѣ Городеньскїи. Яро-
славе, и вси внуце Все-
славли (о) уже пони-
зятъ стязи свои, вонзятъ
свои мечи вержежи; уже
бо выскогисте изъ дѣдней

окровавленной правѣ погибѣ
опѣ мечей Литовскихѣ. На
сѣмь-по одрѣ лежа, произ-
несѣ онѣ: „Дружину швою,
„Князь, шпицы прїодѣли
„крыльями, а звѣри кровь
„полизали,“. Не было шупѣ
братшѣвѣ ни Брягислава, ни
Всеволода; онѣ одинѣ испу-
спилѣ жемчужную свою ду-
шу чрезѣ золотое ожерелье
изъ храбраго тѣла. Уныли
голоса; поникло веселіе. За-
пружили трубы Городеньскїя.
О Ярославѣ и всѣ внуки Все-
славовы! теперѣ приклоните
вы свои знамена, вложите въ
ножны мечи ваши поврежден-
ные; далско уже опсшали вы

(о) Много было внуковѣ Всеславовыхѣ: Рогольдѣ сынѣ Князя
Бориса Всеславича, имѣвшїй удѣлѣ въ Полоцкѣ. Володарѣ и
Ростиславѣ, сыновья Глѣба Всеславича: первый шакѣ же удѣломѣ
въ Полоцкѣ пользовался, а другой въ Минскѣ. Брягиславѣ сынѣ
Князя Мстислава Всеславича, и Всеславѣ сынѣ Князя Давыда
Всеславича.

славѣ. Вы бо своими кра-
молами нагястѣ наводи-
ти поганья на землю Ру-
скую, на жизнь Всеслав-
лю. Которое бо бѣше на-
силіе отѣ земли Половец-
кыи? На седьмомѣ вѣдѣ
Трояни вѣрже Всеславѣ
жеребїи о дѣвцѣ себѣ лю-
бу. Тѣя клюками подпрѣся
о кони, и скогистѣ къ граду
Кыеву, и достѣся стру-
жїемѣ злата стола Кїев-
скаго. Скогистѣ отѣ нихѣ лю-
тымѣ звѣремѣ въ лѣднотѣ,
изъ Бѣла-града, обѣснѣся
синѣ мьглѣ, утрѣ же воз-
зни стрікусы (л) оттвори
врата Нову-граду, раз-
шлѣбе славу Ярославу,
скогистѣ вѣлкомѣ до Не-
миги сѣ Дудутокѣ.

отѣ славы дѣда вашего. Вы
своими крамолами начали на-
водишѣ невѣрныхѣ на землю
Русскую, на жизнь Всесла-
вову. Былоль какое насиліе
отѣ земли Половецкой? На
седьмомѣ вѣкѣ Трояномѣ
меннумѣ Всеславѣ жребїи
милой ему дѣвицѣ. Онѣ под-
першишѣ клюками сѣлѣ на ко-
ней, поскакалѣ къ городу Кїе-
ву и коснушѣся древокѣмѣ копя
своего до золотого престола
Кїевского, попомѣ побѣжалѣ
онѣ люшнѣмѣ звѣремѣ въ по-
луночи изъ Бѣла-города,
закрывшишѣ мглою синєю;
по утрѣ же вонзѣвѣ спріку-
сы, отворишѣ онѣ ворота
Новгородскїя, пошлѣ славу
Ярославу, и сѣ Дудутокѣ пу-
спился какѣ волкѣ до Немиги.

(л) По смыслу рѣчи стрікусы не инос что какѣ стѣннобитное
орудіе, или родѣ тарана, при осадѣ городскихѣ воротѣ ушпрѣ-
блѣмаго.

На Немизѣ (р) слышны
стелютъ головами, мо-
лотятъ тели харалуж-
ными, на тоцѣ жиаотъ
кладутъ, вѣютъ ду-
шу отъ тѣла. Немизѣ
кровави брезѣ не вологомъ
блхуть посѣяни, посѣяни
костями Рускихъ сыновъ.
Всеславъ Князь людей
судяше, Княземъ грады
рядяше, а самъ въ ноцъ влѣ-
комъ рыскаше; изъ Кыева
дорискаше до Куръ Тму-
тороканя; великому хрѣсо-
ви влѣкомъ путь прерыска-
ше (с). Тому въ Полотскѣ
позвониша заутренюю рано
у Святыя Софеи въ колоко-
лы: а онъ въ Кыевъ звонъ
слыша. Аще и вѣща душа

На Немегѣ вмѣсто сноповъ
спелютъ головы, колошатъ
цѣпами булашными, на шокъ
жизнь кладутъ, и вѣютъ
душу отъ тѣла. Окровавлен-
ные Немигскіе берега не бы-
лѣмъ были засѣяны, засѣ-
яны коспями Рускихъ сы-
новъ. Князь Всеславъ людей
судилъ, Княземъ города
раздавалъ, а самъ по ночамъ
какъ волкъ рыскалъ изъ Ку-
ва до Курска и до Тмушора-
кани. Для него въ Полоцкѣ
рано позвонили въ колокола
къ заупрени у Святой Со-
фѣи: а онъ въ Кыевъ звонъ
слышалъ. Хопя и мудралъ
была душа въ неупоминимъ

(р) Немиза, что нынѣ Немень, между Минска и Полоцка. —
Татищ. II/Част. 119 стр.
(с) Не вразумительно.

въ друзѣ тѣлѣ, нѣ часто
бѣды страдаше. Тому вѣ-
щемъ Боянъ и прѣвое при-
пѣву смысленый рече:
ни хытру, ни горазду,
ни птицю горазду, суда
Божіа не минути (т). О!
стонати Руской земли,
помянувшѣ прѣвую годи-
ну, и прѣвыхъ Князей.
Того стараго Владимира
не лъзѣ бѣ пригвоздити къ
горамъ Кіевскимъ: сего бо
нынѣ сташа стлзи Рюри-
ковы, а друзи Давидовы;
нѣ рози нося и мѣ хоботы
пашутъ, коліа поютъ на
Дунаи.

Ярославны нѣ
гласѣ слышитъ: зег-
зицею незнаемъ, ра-
но кысетъ: поле-

его тѣлѣ, но онъ часто
отъ бѣдъ спрадалъ. Для та-
кихъ-то мудрый Боянъ изда-
вна составилъ сей разумный
припѣвъ: „какъ бы кто
„хитръ, какъ бы кто уменъ
„ни былъ, хопъ бы спицей
„лепалъ, но суда Божіа не
„минетъ„. О! спонать тебѣ,
земля Русская, вспоминая
прежнія времена и прежнихъ
Князей своихъ. Стараго Вла-
димира не лъзя было прико-
вать къ горамъ Кіевскимъ.
Теперь знамена его доста-
лись одни Рюрику, а дру-
гѣя Давыду; ихъ носятъ на
рогахъ, вспахивая землю;
копья же на Дунаѣ сла-
вятся

Ярославнинъ голосъ
слышипся; она, какъ ос-
тавленная горлица, по уп-
рамъ воркуетъ: „полечу

(т) Вѣроятно что сей припѣвъ подлинникомъ внесенъ сюда изъ
Бояновыхъ пѣсней.

то, рече, зегзцею по Дунаву; омотю бобрѣи рукавъ въ Калѣ рѣцѣ, утру Князю кровавыя его раны, на жестоцѣмъ его тѣлѣ. Ярославна (у) рано платетъ въ Путимелѣ на забралѣ, аркуси: о свѣтрѣ! свѣтрло! чему Господине насильно вѣщи? Чему мысещи Хиновскыи стрѣлки на своєю-не трудною крилицю на моея. лады вом? Мало ли ти блшетъ горбъ, подѣ облакы свѣти, лелѣюси корабли на синѣ морѣ? Чему Господине мое веселіе по ковылю развѣя? Ярославна рано платетъ Путимелю городу на заборолѣ, аркуси: о Днепрѣ

(у) Супруга Князя Игоря Святославича, дочь Князя Ярослава Владиміровича Галичскаго.

„я, говоритѣ, горалицю „по Дунаю, обмоту бобрѣи рукавъ въ рѣкѣ Калѣ, „лѣ, обштру Князю кровавыя раны на швердомѣ его „тѣлѣ. „Ярославна по утру плачетѣ въ Путимелѣ на городской спѣнѣ приговаривая: „О вѣшерѣ! вѣприло! къ чему пышакѣ сильно вѣшещѣ „къ чему навѣвасѣшъ легкими „своими крылами Хиновеки „спрѣам на милькѣ мнѣ воиновѣ? или мало шебѣ горбъ „подѣ облаками? Развѣвай пышамо, лелѣя корабли на синемѣ морѣ! Но за чпо развѣдѣ „лѣ пы, какѣ праву ковыль, „мое веселіе? „Ярославна по утру плачетѣ, и сидя на городской спѣнѣ въ Путимелѣ приговариваетѣ: „О славный „Днѣпрѣ! пы пробилѣ горы

словутицю! ты пробилѣ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣлѣ еси на себѣ Святославли носады до лѣвку Кобякова: вѣзлелѣй. господине мою ладу къ мнѣ, а быхѣ неслаа къ нѣму слезѣ на море рано. Ярославна рано платетъ къ Путимелѣ на забралѣ, аркуси: свѣтлое и пресвѣтлое слѣнце! всѣмѣ телло и красно еси: чему господине простре горагую свою лугю на ладѣ вом? въ полѣ безводнѣ жаждѣю ить луси свѣрляже туюю илѣ тули затге.

Прыснѣ море полунощи; идутѣ сморци мглажи; Игоревн Князю Богѣ луть кажетѣ изѣ земли Половецкой на землю Русскую,

„каменныя сквозѣ землю Половецкую; пы носилѣ на себѣ „свѣ Святослововы военныя „суда до спану Кобякова: „принеси же и ко мнѣ моего милаго, чптобѣ неносылащѣ мнѣ „къ нему слезѣ своихѣ по ушрамѣ на море. „Ярославна плачетѣ поупру въ Путимелѣ, и сидя на городской спѣнѣ приговариваетѣ: „О свѣшное „и пресвѣшное солнце! длѣ „всѣхѣ пы тепло и красно: „но къ чему пышакѣ уперло „знойныя лучи свои на милькѣ мнѣ воиновѣ? Къ чему въ полѣ „безводномѣ, муча ихѣ жаждѣю, засушило ихѣ луки, и „къ горестпи колчаны ихѣ закрѣпило? „

Ваволновалось море въ полуночи, мгла сполбоивъ подымается; Князю Игорю Богѣ луть кажетѣ изѣ земли Половецкой въ землю Русскую,

кѣ отню злату столу.
 Погасоша вѣсеру зарн :
 Игорь слитѣ, Игорь бдитѣ,
 Игорь мыслию поля мѣ-
 ритѣ отѣ великаго Дону
 до малаго Донца. Кожонѣ
 въ полуночи. Овлурѣ (ф)
 свисну за рѣкою; велитѣ
 Князю разумѣти. Князю
 Игорю не бытѣ: клжкнх
 стукну земля; вѣшумѣ
 трава. Вежи ся Половецкѣи
 подвизашася; а Игорь
 Князь лоскотн горнастаемѣ
 кѣ тростію, и бѣлымѣ

кѣ золотому престолу опече-
 скому. Погасла заря вечерняя;
 Игорь лежитѣ, Игорь не
 спитѣ, Игорь мысленно из-
 мѣряетѣ поля отѣ великаго
 Дона до малаго Донца. Кѣ по-
 луночи пригоповленѣ конѣ.
 Овлурѣ свиснулѣ за рѣкою,
 чпобѣ Князь догадался. Кня-
 зю Игорю шамо не бытѣ.
 Заспонала земля, зашумѣла
 права; двинулисъ заставы
 Половецкѣя, а Игорь Князь
 горностаемѣ побѣжалѣ кѣ
 проспнику, и бѣлымѣ

(ф) Въ Россійскихъ лѣтописяхъ онѣ названѣ *Лавръ*, чиновникѣ
 Половецкѣй; его мать была Русская. Когда *Лавръ* дѣлалѣ пред-
 ложеніе Князю Игорю способствовать ему въ побѣгѣ, то онѣ
 сперва не понадѣялся на него; но послѣ будучи удостовѣренѣ отѣ
 копящаго своего и отѣ Тысяцкаго въ честности и распороч-
 ности его, согласился уйти съ нимѣ. И такѣ въ назначенный
 день Игорь напоивѣ до пьяна приставленную кѣ нему стражу,
 когда все погружены были въ крѣпкомѣ снѣ, прошелѣ тихо
 чрезѣ Половецкѣя заставы, и переплывѣ чрезѣ рѣку, ускакалѣ
 на пригоповленномѣ ему отѣ *Лавра* конѣ. *Татищ.* Частѣ III-
 стр. 270.

гоголемѣ (х) на воду;
 вѣрѣжеся на брѣздѣ ко-
 монѣ, и скотн съ него бо-
 сымѣ вѣлкомѣ, и потесе
 кѣ луку Донца, и поле-
 тѣ соколомѣ подѣ мгла-
 ми избивая гуси и лебеди,
 застроку, и обѣду и ужи-
 нѣ. Коли Игорь соколомѣ
 полетѣ, тогда Влурѣ
 вѣлкомѣ потесе, труся
 собою студеную росу;
 претрѣгоста бо своя брѣ-
 зал комоня. *Донецѣ рече:*
Княже Игорю! не мало
ти велитѣя, а Контаку не-
любѣя, а Руской земли ве-
селѣя. Игорь рече, о Дон-
це! не мало ти велитѣя,

гоголемѣ пустился по водѣ.
 Онѣ помчался на борзомѣ
 конѣ, и скочивѣ съ него бо-
 сымѣ волкомѣ побѣжалѣ кѣ
 луку Донецкому; летѣлъ
 соколомѣ подѣ облаками,
 побивая гусей и лебедей кѣ
 завпраку, кѣ обѣду и кѣ ужи-
 ну. Когда Игорь соколомѣ
 полетѣлъ, тогда Овлурѣ
 (Лавръ) волкомѣ побѣжалѣ,
 опрясая съ себя росу хо-
 лодную; ибо упомили они
 своихѣ борзыхѣ коней. „О!
 „Князь Игорь!“, вѣщаетѣ ему
 рѣка *Донецѣ*, „не мало для
 „тебя славы, для *Контака*
 „досады, а для Русской зе-
 „мли веселѣя.“ Игорь вѣ оп-
 вѣтѣ кѣ рѣкѣ сказалѣ: „О
 „*Донецѣ!* не мала и для

(х) Красивая утка съ хохломѣ питающаяся раковинами, за ко-
 торыми она опѣтно предѣ прочими нырлетѣ.

лелѣвшу Князя на слѣ-
нахъ, ставшущу ему зе-
лену траву на своихъ
сребренныхъ брезѣхъ, одѣ-
вавшу его теплыми жбгла-
ми подъ сѣнію зелену дре-
ву; строжаше е гоголемъ
на водѣ, сайцами на стру-
яхъ, Чрънядми на вет-
рѣхъ. Не тако ли, рече, рѣ-
ка Стугна худу струю
имѣя, пожрѣши тужи ру-
чьи, и стругы ростре на кус-
ту? Уношу Князю Ростис-
славу затвори Днѣлрѣ те-
мнѣ березѣ. Платится мати
Ростислава (ц) по уноши
Князи Ростиславѣ. Уноша

„себя слава, нося Князя по
„волнамъ своимъ, постилаа
„ему зеленую траву на сво-
„ихъ сребристыхъ бер-
„гахъ, одѣвая его теплыми
„жглами подъ тѣнью дре-
„ва зеленого, и охраняя его
„какъ гоголя на водѣ, какъ
„чайку на струяхъ, какъ,
„Чернядей на ветрахъ. Не
„шаква, примолвилъ онъ,
„рѣка Стугна! Она пагуб-
„ными струями пожираетъ
„чужія ручьи, и разбиваетъ
„струи у кустовъ.„
Юному Князю Ростиславу
затворилъ Днѣлрѣ берега
темныя. Плачется мати
Ростислава по юномъ
Князѣ Ростиславѣ. Удали

(ц) Юный Князь Ростиславъ сынъ Великаго Князя Всеволода I и Великия Княгини Анны, дочери Половецкаго Князя уношуа на рѣкѣ Стугнѣ 1093 года, когда тамъ разбины были Россійскія войска отъ Половцевъ.

цвѣты жалобою; и древо
стугою къ землѣ прѣкло-
нимо, а не сороки втрос-
коташа. На слѣду Иго-
ревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кон-
такомъ. Тогда врани не
граахуть, галици ломлѣ-
коша, сороки не троско-
таша, полозію ползоша
только, дятлове тек-
томъ луть къ рѣцѣ ка-
жутъ, соловьи веселыми
лѣсьми свѣтъ повѣдаютъ.
Млѣвитъ Гзакъ Контако-
ви: аже соколъ къ гнѣзду
летитъ, соколика рострѣ-
ляевъ своими златеными
стрѣлами. Рече Контакъ
ко Гзѣ: аже соколъ къ
гнѣзду летитъ, а въ со-
колца олутаевъ красною
двигцею (т). И рече

цвѣты отъ жалости, прекло-
нились къ землѣ деревья отъ
печали. Не сороки спреко-
чуть, ѣздитъ по слѣдамъ
Игоревымъ Гзакъ и Контакъ.
Тогда вороны не каркали,
галки умолкли, сороки не
спрекошали, но двигались
шолько по сучьямъ; дятлы
долбя, къ рѣкѣ путь показы-
вали; соловьи веселыми пѣні-
емъ свѣтъ повѣдали. Молвилъ
Гзакъ Контаку: „когда со-
„колъ къ гнѣзду летитъ,
„по мы разстрѣляемъ соко-
„ленка позолочеными своими
„стрѣлами.„ Контакъ Гзаку
отвѣтствовалъ: „если
„соколъ къ гнѣзду поле-
„тѣлъ, по мы опутаемъ
„соколика красною двиг-
„цею.„ Въ отвѣтъ на сіе

(т) Сіи слова Половецкихъ Князей касались до Игоря сына Князя Владимира, которой оставался еще у нихъ въ полону. Онъ

Гзакъ къ Конгакови: аще его опутаеаъ красною дѣвицею, ни нама будетъ соколыца, ни нама красны дѣвице, то погнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомѣ.

Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣстворца стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти: тяжко ти головы, кромѣ плесю; зло ти тѣлу, кромѣ головы: Руской земли безъ Игоря. Солнце свѣтитъ на небесахъ, Игорь Князь въ Руской земли. Дѣвици поютъ

Гзакъ сказааъ Конгаку: „когда его опутаеаъ красною дѣвицею, то не будешъ у насъ ни соколика, ни красной дѣвицы, и спануаъ насъ бишь пшицы въ полѣ Половецкомѣ.

Сказааъ сѣ Боянъ, и о походахъ, воспѣаъ ихъ въ прежнѣя времена Князей Святослава, Ярослава и Ольга симъ кончилъ: „тяжело бышь головѣ безъ плечъ; „жудо и тѣлу безъ головы: „а Руской землѣ безъ Игоря. „Свѣтитъ Солнце на небѣ: Игорь Князь уже въ Руской землѣ. Поютъ дѣвицы на Дунаѣ; раздаются

влюбился шамъ въ дочь Князя Критака, и когда Половцы освободили его, то онъ привезши се въ Россію, крестилъ и съ даша-темъ, и назвавъ Свободою, обвѣчался съ нею. Татищ. Книга III. стр. 283.

на Дунаи. Вьются голоса ихъ чрезъ море до чрезъ море до Кіева. Кіева. Игорь ѣдетъ по Игорю ѣдетъ по Борису (ш) къ Святѣй Богородици Пирогощей (щ). Страны Богородицъ Пирогощей.

(ш) Урочище въ самомъ городѣ Кіевѣ находящееся, по свидѣтельству Нестора. Было оно на горѣ къ Подолу на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоить церковь Андрѣя Первозваннаго, или близъ оной. Тутъ Владиміромъ поставленъ былъ на холмѣ идолъ Перунъ. Прежде красивое сѣ мѣсто было внѣ града, и пространство между кумиромъ и Кіевомъ помѣщало множество народа для шоржественныхъ жертвоприношеній стекавшагося. На сей площади былъ шеремный дворецъ Велико-княжескій. Подъ самою горою Днѣпръ прежде имѣлъ свое печеніе; но по времени столько занесло оной пескомъ, что построено тутъ цѣлое предмѣстіе, Подоломъ нынѣ называемое. — См. Татищ. Кн. II. стр. 36.

(щ) Образъ Владимірской Богородицы, который нынѣ въ Успенскомъ Соборѣ въ Москвѣ вдалъ царскихъ врагъ на лѣвой сторонѣ въ кіотѣ. Его въ древности Богородицею Пирогощею называли по тому, что изъ Царь-града привезенъ былъ въ Кіевъ гостемъ, прозывавшимся Пирогощею. Великій Князь Андрей Юревичъ Боголюбскій. въ 1160 году взялъ сію Святую икону отъ отца своего Великаго Князя Юрѣя Владиміровича и перенесъ оную въ новопостроенный тогда на Клязмѣ городъ Владиміръ: въ Москву же она принесена въ 1395 году, и съ тѣхъ поръ уже именуется Владимірскою. Татищ. Томъ III. стр. 97 и 127. и въ примѣчаніяхъ стр. 487.

ради, гради весели, пѣше
 пѣснь старымъ Княземъ,
 а по томъ молодымъ.
 Пѣти слава Игорю Святъ-
 славица. Буй туру Все-
 володъ, Владиміру Иго-
 ревику. Здрави Князи и
 дружина, побараи за
 христьяны на поганья
 плѣки. Княземъ слава,
 а дружинѣ Амниъ.

Радость въ народъ; веселье
 въ городахъ. Воспѣша
 пѣснь Князьямъ сшарымъ,
 а попомъ молодымъ. Пѣша
 слава Игорю Святославику,
 богатырю Всеволоду и Вла-
 диміру Игореву. Да
 здравствуютъ Князи и ихъ
 дружина, побораи за христі-
 янъ на воинство невѣрныхъ!
 Слава Князьямъ и дружинѣ!

К О Н Е Ц Ъ.

